

Кострюк (4)

Да во славном было городи во Киеви,
Шьчо во матушки-то было камяннóй Москвы,
Ише пǒ небу было всё по ясному
Да по воздуху было по небесному.
Там ведь мелки цясты звездочьки просвѣтили:
По чисту́ полю бояра всё розьежалисе.
Да задумал-то Грозен царь Иван Васильёвиць,
А задумал-то всё да он женитисе,
Он не в матушки задумал в камяннóй Москвы,
Он во той ли задумал проклято́й Литвы
У того ли Небрю́ка-та всё Небрю́ковиця —
Да на той ли на Марьи всё Небрюковны.
Ише скоро-то Грозной царь Иван Васильёвиць,
Ише скоро-то он всё сряжаитьце,
Поскорé-то он того всё отправляйтце,
Он берёт с собой богатыря могущёго,
Он того берёт Дуна́юшка сына Ивановиця;
А поехали дородьни добры молодцы;
Приежают во землю во неверную
Ко тому ли королю-ту Небрюку всё Небрюковицю.
Говорит-то Дунаюшко таковы реци:
«Уж ты гой еси, король Небрюк Небрюковиць!
Мы приехали к тебе, да не гостить к тебе,
Мы приехали к тебе да всё как свататьце
За того ли я за Грозного царя Ивана Васильёвича
Я твоей-то на любимоя на до́цери
Шьто на той ли на Марьи всё Небрюковны.
Да отдай-ко ты Марью всё Небрюковну;
Ишше дай-ко приданого телегу красна золота,
Да другу́-то ты дай да циста сѣребра,
Да третью́-ту ты дай да скатна жемцюга».
Отдаваёт тут Небрюк да всё Небрюковиць
Да свою-ту он Марью свет Небрюковну
Да за Грозного царя Ивана за Васи́льёвича,
Да дават три телеги всё приданого:

Шьто перву́-ту телегу с красным золотом,
Да другу-ту телегу с цистым сэребром,
Да третью́-ту телегу скатна жемцюгу;
Да отправилисe в матушку в каменну́ Москву.
Он ведь звал-то Грозен царь Иван Васильёвиць,
Своёго-то он звал тестя́ любимого,
Он ведь звал королеву-ту, свою-ту тёшиньку любимую:
«Проводите вы Марью всё Небрюковну
Как до матушки-то вы до камяннóй Москвы;
Посмотрите у мя матушки славной камяннóй Москвы,
Посмотрите у мя да цёрквей Божьих-то,
Посмотрите у мя да кнезьёй, бóяров,
Посмотрите могуцих руських богáтырей».
Отказались они, да всё не едут тут;
Нахвалилсэ ёго шурин любимой-от,
Ише тот любимой Кострюк Небрюковиць:
«Уж ты ой еси, батюшко родимой мой,
Ише тот ли король Небрюк Небрюковиць!
Ты спусьти-ко миня съездить на святую Русь,
На святую меня Русь, съездить в матушку камянну́ Москву —
Проводить-то мне любиму свою сэстрицю,
Посмотрять ихних могуциих богáтырей».
Они скоро-то тут да вси поехали;
Да приехали они-то всё во матушку в славну камянну́ Москву.
Тут ведь скоро зазвонили в большой колокол,
Да запели обедњи Херуимския
Ише всё-то попы, попы соборныя;
Ише скоро тут ведь повели их во Божью цёрковь,
Привели-то Марью-ту Небрюковну во веру-ту крешшоную,
Во крешшону ей веру, в православную;
Они стали держать-то по злату веньцу,
Принимать-то они да закон Божий тут.
После етого у их пошел поцесён пир,
Да поцесён-то пир пошел на весь ведь мир:
Шьчо в первьых-то пошло на кнезей, на бóяр-то,
Ише на тех ли на купцей да на богатых,
Шьчо на руських могуцих всё богáтырей;
А богáтырей-то право не погодилосе,
Шьчо могуциих, удалых их не слуцилосе; —

Собирать на бедных, на прожитосьних хресьянушок,
Не оставляёт на радости ише бедных вдов,
Не оставят он сиротских всих малых детоцёк.
Как пошел у их поцёсэн-от пир навесели;
Ише свётёл-от день пошел ко вецёру,
И как красное солнышко всё ко западу.
Грозной-от царь да Иван Васильёвиць
Со своей-то с кнегиной, молодой жоной
По полатам белокамянным похаживат,
Говорит-то он сам да таковы реци:
«Ише вси у мя сидят да на пиру-ту всё,
Ишше все у мя сидят-то ведь пьют всё, кушают,
Ишше беленьку лебёточку всё рушают;
Да сидит только любимой-от, милой шурин мой
Ише тот ли Кострюк-от сидит Небрюкович».
«Он (sic!), сидишь ты ношьтó у мя, всё не кушаёшь,
Ишше беленькой лебёточки всё не рушаёшь?
Ишше место тебе разье не по разуму,
Или кушанье моё тебе не по совессти,
Али цярой-то тебя разье обнесли у мя,
Али хто-небудь уж разье ведь надьсмехаитьце?»
Тут ведь скоро-то шурин ему ответ держал,
Отвечаёт скоро всё Кострюк Небрюкович:
«Уж ты Грозной царь же Иван Васильёвич!
По уму-ту мне место твоё, по разуму,
Всё ведь кушанье твоё по удовольствию,
Ише цярочкой меня не обнесли нехто,
Как невежа надо мной-то не надьсмеяласе;
Я сиж у тибя, об том призадумалсэ:
Ише хочитцэ мне бы попотешитце,
Попотешитце мне бы, всё позабавитце;
Ты как дай луцьше могуцёго сильнёго богатыря,
Мне-ка дай-ко-се с им-то поборотисе.
Посмотри ведь ты, царь, сам со царицою
На мою всё поступочку богатырьчкую».
Ише тут Грóзен царь Иван призадумалсэ,
Призадумалсэ тут-то он, приросту́жилсэ:
«Непошьтó убьёт могуцёго у мя сильнёго богатыря».
Выходил-то Грозён царь Иван Васильёвич,

Выходил-то он скоро всё на широкой двор;
Он берёт в белы руцюшки золоту трубу,
Затрубил-то он как всё в золоту трубу.
Ишше нету могуцих сильних богатырей,
Ишше нету-ту, всё да прирозяехались;
Как выскакивал один бедной богатырь тут,
Он ведь бедненькой, все сам нездоровенькой,
Ишше по имени-то Хроменькой Потанёчка;
Ишше хроменькой Потанёчка, нездоровенькой,
Он сутул, всё горбат, он был наперёд покляп,
Он на праву-ту ноженьку всё припадывал,
На леву-ту ту он ножочкой подковырывал,
По пережиму-ту был сам пережимистой¹,
Ай он силой был несильней, всё напуском смел.
Говорил-то он всё Грозному царю Ивану-ту Васильёвичу:
«Уж ты гой еси, Грозной царь Иван Васильёвич!
Я уважу Косьтрюку-ту хошь я в первой раз,
Я уважу Косьтрюку-ту во второй хошь раз,
Я уважу Косьтрюку-ту во третей-от раз.
Не пецялуйсе ты, Грозной мой славной царь:
Шьто Потанюшки мне-ка смерть не писана».
Да пошли они могуци всё на широкой двор;
Да выскакивал Косьтрюк-Небрюк цѣрез дубовой стол;
Уронил-то он ведь сорок-то князей, бояров:
Не убил хошь до смерти, да досадил он им.
Выходили тут Грозной царь Иван Васильёвиць
Со царицей-то со Марьей всё Небрюковной
Посмотрять-то на могуцих на двух богатырей.
Да Потанюшка-та бедной всё поддавайтце,
Поддавайтце Потанюшка всё до трёх же раз;
Всё кинат ёго Кострюк-от всё Небрюковиць.
Грозен царь Иван Васильёвиць стоит невесел тут,
Шьчо невесел стоит, стоит всё нерадосней;
Он повесил буйну голову всё с могуцих плець,
Он потупил очи ясны во матушку сыру землю,
Прокатились горюци-ти всё ведь слёзы йз глаз.
Ишше Марья стоит-то да всё Небрюковна,
Она весело стоит, да всё ведь веселёхонька:
Не жалет она Потанюшки бедного Хромого,

Шьчо жалет она своёго-та брата рóдного
Шьчо того ли Косьтрюка-та всё Небрюковиця.
Как во ту-ту² было да всё во то время,
Увидал бедной Потанюшка-та всё Хроменькой
Как своёго-та царя — надежду белого,
Он того ли Ивана всё Васильёвиця, —
Шьто слезит-то он свои да оци ясныя,
Он жалет всё Потанюшку-ту всё Хрóмого, —
Говорит-то Потанюшка таковы реци:
«Уж ты милой мой, ты всё Грозной царь,
Уж ты свет, ты государь Иван Васильёвиць!
Благослови-ко ты мне-ка хоть слово вымолвить,
Слово вымолвить мне да реци выполнить,
Ты бес той мне бес казньи бес скорыя,
Ты бес той мне бес сабельки без вострыя,
Ты бес той мне надьсмешецьки великия:
Ты ише благослови миня Косьтрюка побороть,
Побороть-то ведь мне ёго всё ведь по-хорошому».
Говорит-то ведь Грозен царь Иван Васильёвиць:
«Тебе Бох благословит, Потанечка Хроменькой,
Ише хроменькой ты, бедной, нездоровенькой!
Побори Косьтрюка-та да как тебе хочитце,
Ише хочитце как-то да как ведь я велю;
Пропусьти ету славушку по столичному по славному по городу,
Как по матушки по нашей по камяннóй Москвы.
Ты не мошь ли с ёго хошь бы платье цветно содрать,
По Москвы ёго по городу спустить на́гого?»
Он ведь выслушал реци-ти скоро от царя-та всё;
Поступил-то Потанюшка всё скорёхонько,
Он ведь брал-то ёго скоро за праву руку́,
Он бросал-то к себе он на ножку правую,
Он выки́нывал ёго вверх высокохонько:
Он пониже ведь облаку всё ходецёго,
Он повыше его всё лесу́ стояцёго,
Он ведь выше дворьця-та всё государёва;
Он спускал Косьтрюка-та всё на сыру землю,
Подхватил он его к себе на белы́ руки,
Обрывал у его-то всё платье цвьётноё,
Он спускал же ёго-то всё по святой Руси,

По святой Руси спускал всё по камянной́ Москвы,
Он ведь на́гого спу́сстил всё ёго бо́сого.

..... 3

Ише Марья-та Небрюковна приросьплакалась;
А Косьтрук-от идёт, слéзно уливаитьце:
«Шьто не дай Бох бывать больше на святой Руси,
Как во славной-то матушки в камянной́ Москвы,
Да не дай Бох видать мне руських сильниих,
Руських сильних, могущих мне богáтырей!»
Тут ведь Косьтрук Небрюковиць
Прибегаёт ко дворьцю скоро к государьскому,
Он крыцьял-то, зычáл своим зыцьним голосом:
«Уж ты ой еси, сéстриця родимая,
Ты родима моя сéстриця, любимая,
Уж ты Марья, ты всё да свет Небрюковна!
Уж вы дайте-ко своё хошь како-небудь платьё цъветноё,
Приукройте-тко моё вы всё тело на́гоё;
Вы подайте-ко моёго всё коня доброго».
Ише скоро тут Марья Небрюковна-та одевала их;
Ише тут-то был не Косьтрук не всё Небрюковиць.
Ишше сказыват Марья всё Небрюковна
Своёму-ту Грозному царю Ивану всё Васильёвицю:
«Уж ты дай-ко-се мне в распореженьице, Грозной царь Иван Васильёвиць,
Запрети всёго народа православного,
Не смотряли шьчобы на моёго-та брателка любимого,
Не смотряли шьчобы, не гра́яли.
Приобдону сама я бедного на́гого».
Приобдела его-то да всё ведь на́гого.
Запретили многи, людей добрых всех,
Не смотряли шьчобы люди, не видели.
Уежал-то он скоро со студу-ту со великого,
К своёму-ту уежал-то к отцу к матушки,
Да к тому ли королю всё Небрю́ку Небрюковичу;
Он слезьнёшенько тут у их приросплакалсэ,
Он родителям своим Косьтрук прирозжалилсэ:
«Не поеду я ведь больше на съвятую Русь
К своёму-ту любимому всё ведь к зятю-ту,
Я к тому ли к Ивану-ту ко Васильёвицю,
Я к своей-то ведь Марьи-то всё Небрюковны!

Хороша у их матушка камянна́ Москва,
Хорошо-то у их всё изукрашена;
Только тем у их худо-то на съвятой Руси,
На съвятой-то Руси, в матушки всё в камянной́ Москвы,
Шьчо богатыри у их всё живут присильния,
Шьчо ведь сильни богатыри всё бестыдныя:
Обдирали миня-то да всё ведь до́ нага».

*(Записана А. В. Марковым в 1898 г. в с. Зимняя Золотица на Зимнем берегу
Белого моря от Аграфены Крюковой, перенявшей песню от дяди Ефима.
«Беломорские былины» № 36, стр. 184-190)*

В. Ф. Миллер. Исторические песни русского народа XVI-XVII вв., Петроград,
1915.

- 1 По животу тоненькой (Марков).
- 2 Пропущено: пору (Марков).
- 3 Женщина — бежит да прикрываитьце.